Рассказ скачан на сайте http://eromo.org
Название: Алина

Алина Владимировна обвела своими прекрасными черными очами помещение класса. Второй курс, ее группа по Экономической Теории, присутствовала лишь на половину. Оно и понятно: хоть и близилась летняя сессия в одном из самых престижных университетов Москвы, все же тепло весенних солнечных лучей было много приятнее, полудушного кабинета, с заумными речами преподавательницы. И даже стройная фигурка несущей знания молодой женщины не могла привлечь дополнительно народу на ее семинар.

И зря! — потом своим одногруппникам передадут те, кто решился все же посетить ее предмет. На двадцати четырех летней Алине был потрясающий черный костюм, чья строгость очень волнующе контрастировала с открытостью. Длинные голые ноги обуты в черные кожаные босоножки изящной тонкой работы, на высокой шпильке. Черная обтягивающая юбка удачно подчеркивала плавные изгибы бедер, большая белая грудь так и кричала, на фоне глубокого темного выреза блузки. Длинные локоны цвета вороного крыла обрамляли красивое лицо с полураскрытым бутоном нежно-алых губ. Томным голосом с приливом женственной нежности она вещала о том, как развивалась история экономической мысли, начиная с Адама Смита и его «невидимой руки». Сейчас, повернувшись к доске и выписывая на ней ряд простеньких формул, она улыбалась своей белоснежной улыбкой. Улыбалась потому что знала — никто не смотрит за ее рукой, плавно вычерчивающей символы белым мелом на темно-зеленой поверхности. Все смотрят на ее ноги, и туго обтянутую черной материей попку.

Все: и мальчики, постоянно заикающиеся в приветствии, когда встречают ее, идущей гордой походкой царицы по коридорам факультета, и девочки, в чьих глазах нет-нет, да и промелькнет огонек зависти или, у тех, кто поумнее, восхищения. Царица, да, она казалось прекрасной царицей далеких восточных стран давнего прошлого. Толика татарской крови отразилась на чуть приподнятых скулах и высоким изгибом тонких бровей, делая Алину таинственной и загадочной. Пышные формы, там где надо, и высокий модельный рот достались ей от матери, исконно русской женщины из рязанской области. Такое сочетание красоты разило всех наповал.

Алина Владимировна прекрасно знала о своих достоинствах, и умело этим пользовалась. Она привыкла к толпам поклонников и непрекращающемуся потоку восторженных комплиментов, привыкла и отвыкать не хотела. Было дело, даже танцевала в стрип-клубе, только для того, чтобы потешить свое самолюбие и слышать восторженные крики толпы. Естественно, купаясь в овациях, она мало кого по-настоящему держала за людей — просто слуги ее красоты и ума, не больше.

Умом ее природа так же не обделила — в свои двадцать четыре года она училась в аспирантуре самого престижного университета страны, а заодно и преподавала начальным курсам. Все предвещали ей блестящую карьеру и, соответственно, блестящий же брак с непременно непроходящей любовью.

Итак, она писала формулы. Плавные движения тонкой кисти с ярко-алыми ухоженными ноготочками, выводили изящно нарисованные символы, которые неведомым образом еще сильнее подчеркивали ее неотразимость. Да, половины не было, но они потом будут локти кусать оттого, что не увидели ее в этом наряде, который она купила специально для

сегодняшнего дня. Сразу после окончания занятий она идет на встречу бывших одноклассников, где, безусловно, должна произвести фурор и заодно поставить на место пару расфуфыренных куриц. А та половина, что находится здесь, пускай пялится на ее зад — это даже немного интригует. На парней и смотреть противно: все какие-то неказистые, слащавые, пусть и блещущие, как им кажется, недюжинным умом. Девушки — к девушкам, почему-то она питала большую симпатию, особенно к тем, в чьих глазах ясно читала восхищение и иногда даже что-то вроде преданности. Но не настолько большую, чтобы не смотреть на них сверху вниз.

От раздумий ее оторвал приглушенный и сдавленный смех, который, тем не менее, разлился бурей шума в тишине класса, тишине, обычно царившей при проведении семинара с ее участием. Ах да, как она могла забыть — и эта веселая парочка явилась-таки на ее семинар. Два атлетично сложенных молодых человека у дальней стены, весело шептали друг другу что-то над раскрытой книгой Ницше, рядом с которой к тому же лежал раскрытый первый том «Капитала» Маркса. Оба по-своему привлекательны, они не походили на остальных студентов. Острый ум и жажда познаний светились в их небесно голубых и темно коричневых глазах, только беда в том, что они не признавали ни авторитетов, ни сложившихся негласных правил. Мудрости им, конечно, не хватало, но брали они свое напором, упрямством и силой воли. Правда, частенько этот недостаток мудрости все же сказывался — в виде проблем с оценками или вообще несдачами.

— Эй, галерка, раз уж соизволили прийти, будьте добры, видите себя тихо, — жемчужная улыбка учительницы не могла оставить равнодушным никого, ну или почти никого.

— Извините, Алина Владимировна, просто, по-моему, у вас там во второй формуле ошибочка закралась+

— Ох, правда, видимо, я тоже устала к шестой паре, — задумчиво проговорила женщина, переправляя невесть откуда взявшуюся «b» на более уместную здесь «d».

Еще одно очко в их пользу. Понятное дело, что смеялись они над чем-то своим, а указали на ее описку, чтобы не выглядеть в дурном свете.

И все-таки чем же они ей симпатичны? Да спортом увлекаются, откуда и фигуры, что приятно посмотреть, да лица и глаза притягательны, но, надо признать, что в ее армии ухажеров мордашки встречались много смазливее. Ум? Умные ребята, тоже никуда не деться, но профессорами явно никогда не станут. Может что-то внутреннее, глубинное? Да, вот в чем дело. В отличие от всех поголовно студентов они на нее смотрели ни как на идола красоты, а просто как на привлекательную учительницу. Почему? Ответ не заставил себя ждать, вернее как раз заставил, большую часть семинара.

— Извините, Алина Владимировна, задержалась на работе, можно?

— Да, конечно, Лилия, садитесь.

Лилия, прекрасная девушка, под стать тому цветку, что стал ее именем. Высокая, стройная, гордая, она будто бросала вызов окружающему ее миру, миру, как, скрипя сердце, признавалась себе Алина, коему имя красота. Женщина была уверена, что именно эта девушка во всем университете, является ее единственной соперницей за внимание, однако ту, судя по всему, данный аспект не интересовал вовсе. Более того, мужской пол, вроде, как избегал ее, да-да, именно так, парни избегали ее, а не наоборот. Отчего это так, Алина не знала. Быть может от взгляда ее льдисто-синих глаз, которым она, кажется, смотрит не на собеседника, а в собеседника, проникая в те тайны и глубины, которые никогда не должны

увидеть света? Женщина помнила этот взгляд на себе, помнила, как чувствовала себя при этом беззащитной, открытой и почему-то немного порочной. У нее даже тогда соски затвердели — подумать об этом, и то стыдно становится.

Как ни странно, парочка на галерке была, похоже, единственной с кем Лилия опускалась до разговоров, причем разговаривали они совершенно на равных. И, как немного с ревностью (что тоже для Алины было откровением) замечала преподавательница, во взглядах обеих сторон сверкали нежность и взаимоуважение.

Причем Алина Владимировна иногда думала об этом и не могла понять, к кому же она больше ревнует. Или к двум подросткам, для которых ее так и подмывало сделаться старшей сестрой и, в разговоре за бутылочкой пива, так сказать, направить их светлые умы и внутреннюю силу в нужное русло. Или к этой небесной красоты девушке, одна близость к которой рождала в ней что-то непонятное, тайное, запретное, но оттого еще более притягательное.

Длинные пушистые ресницы нервно моргнули, когда молодая девушка с кошачьей грацией продефилировала к свободной парте у окна. На ней была коротенькая кожаная курточка темно-бордового цвета, которая в купе с черным спортивным топиком никак не могла закрыть волнующий изгиб спортивного живота. Длинные стройные ноги обтягивали первоклассные кожаные штаны цвета чернее ночи. На ножках обуты изящные открытые туфельки с небольшой платформой и высоченными стальными шпильками.

«Одним словом, нечто среднее между показом мод и костюмом байкера» — промелькнуло в голове у преподавательницы. Тем не менее, этот наряд ей очень шел, и Алина не могла не заметить, как весь класс жадно провожал ее глазами до парты.

Оставшаяся часть урока прошла для Алины в привычной комфортной тишине внимающей аудитории. Только иногда она ловила на себе этот холодный пронзительный взгляд синих глаз девушки. В такие моменты по ее спине пробегал мелкий строй мурашек, а в воображении всплывали почему-то картинки несколько фривольного содержания, что будоражило как сознание, так и подсознание красивой преподавательницы. Под таким взглядом она чувствовала себя голой, а соски к ее смущению вновь, как и в первый раз, начинали твердеть.

Наконец, урок подошел к концу, к неимоверному облегчению Алины. В последние минуты ее фантазия перешла, как ей показалось, все дозволенные рамки приличия и упорно крутила в мозгу один и тот же сюжет: как в пустынном полумраке клуба она танцует стриптиз для этих глаз, цвета глубокой морской синевы, в которую так и манит погрузиться+навсегда. В укор своему самолюбию Алина могла поставить тот факт, что данная фантазия ей казалась очень даже привлекательной, более того, интригующей.

Вытирая ладони ароматизированными гигиеническими салфетками от мела, преподавательница смотрела, как студенты и студентки покидают аудиторию. Один за другим они выходили из помещения, бросая украдкой на нее взгляд полный обожания или восхищения — подавляющие большинство класса, а иногда ревности и плохо скрываемой зависти — жалкие мымры, завистницы. Дверь закрылась.

— Итак, теперь начнем мой урок — звонкий твердый, но чарующий голос в пустой комнате прогремел как гром среди ясного неба.

— Ох! Лилия, я и не заметила, что вы остались, у вас какой-то вопрос? — попыталась скрыть свое смущение от услышанной фразы оторопевшая учительница. Но сердце ее при этом стало предательски биться много чаще.

— Даже не вопрос, Алина, скорее желание узнать, какая ты на самом деле.
Не дав преподавательнице опомниться, девушка все тем же завораживающим шагом подошла к ней почти вплотную. В нос тонким облаком потянулся приятный аромат духов девушки, смешанный с возбуждающим запахом свежего тела и мягких волос. В руках у нее чудесным образом оказался незнакомый женщине предмет похожий на мухобойку, только черную и размером побольше. Проследив за взглядом учительницы, Лилия многозначительно подняла его перед трепещущими ресницами Алины и резко обрушила на поверхность ближайшей парты. Раздавшийся громкий хлопок заставил женщину вздрогнуть.
— Это стек, — ледяным голосом пояснила девушка, — им обычно погоняют лошадей. Сегодня такой кобылкой будешь ты.
От сказанного Алину захватила паника. Горло в раз пересохло и запершило, не давая возможности даже пикнуть, в висках застучало кузнечным молотом кровь, прилившая к голове, вся комната поплыла перед глазами, а ноги стали ватными и непослушными. Казалось, вот-вот и она от переизбытка эмоций лишится чувств.
Хлесткий удар по левой щеке вернул комнату на место, подарив вдобавок россыпь белых звездочек перед глазами.
— Ты меня не слышала? Я сказала снять тебе одежду — она тебе сейчас ни к чему, сучка!
Неизвестным образом этот жестокий тон с унизительным приказом в купе с еще более унизительной пощечиной, от которой щека просто горела, родил в Алине возбуждение. Последние ее слабые попытки сопротивления были подавлены многозначительно занесенной рукой со стеком. Женщина сдалась и стала судорожно снимать с себя одежду. Под пристальным взглядом синих глаз она избавилась от блузки, затем облегающей юбочки, черного кружевного лифчика и немного замялась с трусиками. Но, получив легкий удар стеком по правому соску, который вызвал бурю незнакомых ощущений, покорно сняла и трусики, присоединив их к бесформенной черной куче на углу соседней парты.
На минуту в помещении воцарилась звенящая тишина. Лилия с удовольствием рассматривала обнаженное тело женщины, в то время как Алина не знала, куда спрятать взгляд со стыда. Тем более ей было стыдно оттого, что все происходящее ее бурно завело, но сознание этого делало возбуждение лишь острее. Соски ее набухли и затвердели, в низу живота родилось приятное томление и на половых губках выступили первые капельки влаги. Дыхание стало сбивчивым и неровным. В пустой комнате было слышно, как часто бьется ее сердце.
— Ноги расставь широко, кобылка, руки сложи за головой, намотав на них волосы.
Алина подчинилась строгому голосу молча. Возбуждение захлестнуло ее с головой. С замирающим сердцем она смотрела, как черное тело стека несется снизу к ее промежности, не смея ни прикрыться руками, ни сдвинуть ноги. В последнее мгновение она со вздохом закрыла глаза, ожидая почувствовать нечто такое, что она почувствовала при ударе по соску, только стократ острее. Но удара она не почувствовала, лишь легкое касание чего-то твердого и холодного на своей киске — Лиля остановила удар, сменив его на ласку.
В этот момент Алина поняла, что пропала, потому что влюбилась, влюбилась безумно и неестественно в свою мучительницу, в этого небесное создание с демонической аурой. А потом она вся задрожала от похоти, когда тонкая длинная ручка стека заскользила между длинных ног, медленно, туда-сюда, раздвигая ее половые губки, зарываясь в них все глубже. Преподавательница не смогла сдержать стон удовольствия, сорвавшийся с ее дрожащих губ

признанием покорности.

Стек уже просто скользил — вся его поверхность блестела от смазки возбужденной до предела женщины. Алина словно перешагнула какой-то внутренний барьер в себе, за которым открылась бездна наслаждения. В полузабытье женщина закатила глаза и стала страстно мычать.

Легкий удар стека по промежности вернул ее на землю, но лишь для того, чтобы воздвигнуть на новый пик возбуждения. Алина сама раздвинула свои ноги пошире, чтобы ее было удобнее наказывать таким способом.

— Ваша сука, готова к первому уроку, Госпожа! — услышала, будто со стороны, свой голос доведенная похотью до почти безумия женщина.

Следующий же удар заставил мир вокруг нее перевернуться. Никогда черноокая красотка не знала, что оргазм может быть такой силы. Волны волшебного удовольствия омывали все ее тело до кончиков ногтей. Обнаружила себя Алина стонущей в отливе оргазма на полу — видимо, это неземное блаженство подкосило ее ножки, и она рухнула скошенным деревцом вниз.

Одного взгляда на свою Хозяйку хватило покоренной рабыне, чтобы быстро вскочить, лепеча неразборчивые извинения и краснея от стыда за все происходящее. Как ни странно, возбуждение проходить и не собиралось. Повинуясь взмахам стека, обнаженная женщина повернулась спиной, вставая раком и вздергивая попку к потолку. Напряженные соски коснулись прохладной поверхности парты, рождая бурю похотливых чувств. Алина чувствовала, что сейчас эта красивая властная девушка будет ее пороть, пороть как провинившуюся суку, и, что самое удивительное, она этого страстно желала.

Дальнейшее учительница не смогла бы описать никакими словами, даже если бы очень этого захотела — столь широка была палитра эмоций и ощущений. Боль, рождающая наслаждение, унижение, пробуждающее страсть, стыд и желание пасть еще ниже.

Обжигающие удары один за одним опускались на ее покорно оставленный зад. Алина лишь благодарно мычала, закусывая нижнюю губу. Скоро обе ее ягодицы покрылись густой сеткой красных росчерков от стека.

— Нравится, сука, такое воспитание? — надменный голос кольнул женщину в самое сердце.

— Да, Госпожа, — задыхаясь о страсти, пролепетала Алина. В следующее мгновение она начала бурно спускать вновь. Волны оргазма накрыли ее с головой.

Униженная, растоптанная, опущенная, голая, выпоротая как сука — женщина была счастлива. Она поняла, что это ее удел — быть покорной сукой своей Госпожи, в этом смысл ее жизни.

Продолжение следует...

Ваши предложения, комментарии, отзывы сюда: eleonora_bove@mail.ru